

УДК 303.211

ББК 60.5.

© Гужавина Т.А.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ РЕГИОНА КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ

ГУЖАВИНА ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
отдела исследования уровня и образа жизни населения
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
E-mail: tanja_gta@mail.ru

Проблема развития страны и ее регионов через модернизацию и обретение конкурентоспособности является весьма значимой. Достаточно продуктивной теорией для обоснования подходов к поиску путей решения вставших перед страной проблем является концепция социального капитала. В рамках данной концепции возникает возможность выявить имеющиеся ресурсы, опираясь на которые возможно развитие, оценить неэкономические факторы развития. Современной наукой доказано, что социальный капитал представляет собой ресурс, влияющий на экономический рост и создание общественных благ. Однако, несмотря на свою популярность, концепция социального капитала еще не приобрела очевидную устойчивость. Не сформировались и устойчивые индикаторы для его измерения. Для отечественной науки характерно недостаточное внимание к исследованию социального капитала как в целом по стране, так и в ее регионах. Изучение понятия «социальный капитал» является важным для осмысления происходящих в обществе процессов. В статье в контексте концепции социального капитала проведен анализ используемых для его измерения отдельных индикаторов, отмечено, что наиболее устойчивым среди них является индекс доверия, характеризующий один из структурных компонентов социального капитала. Эмпирическую базу исследования составляют данные мониторинга общественного мнения, проводимого Институтом социально-экономического развития территорий РАН на территории Вологодской области и содержащего в себе измерения некоторых индикаторов. На основе анализа имеющихся социологических и статистических данных представляется возможным определить преобладающий тип социального капитала в регионе. Полученные данные могут быть использованы для дальнейшего анализа возможностей использования социального капитала регионально-го сообщества для восстановления его конкурентоспособности при выходе из кризиса.

Неэкономические факторы развития, социальный капитал, сущность социального капитала, типы социального капитала, индикаторы измерения социального капитала.

Процессы модернизации, разворачивающиеся в России, проявляются и оцениваются весьма противоречиво, как в научном, так и в политическом сообществе. Модернизация призвана обеспечить политически стабильное социально-правовое демократическое государство с высокотехнологической экономикой и развитой социальной сферой. Эта же задача стоит и перед российскими регионами [3; 5]. Ее решение означает создание конкурентоспособного регионального сообщества, готового не только занять передовые позиции, но и обеспечить высокие показатели благосостояния граждан [13]. По мнению чл. корр. РАН Н.И. Лапина, «... модернизация в XXI веке есть комплексный способ решения политических и экономических, социальных и культурных задач, которые в полный рост стоят перед государством и обществом в контексте внутренних, мегарегиональных и глобальных угроз и рисков; это совокупность процессов технического, экономического и социокультурного развития общества (страны и ее регионов), повышающих его конкурентоспособность» [4, с. 4]. Но модернизация страны невозможна без модернизации ее регионов.

Основой для эффективного функционирования такого сообщества может стать социально-экономическая система, обладающая способностью к качественному росту и саморазвитию. С учетом того, что Россия – это страна, имеющая очень разнообразные условия для развития в регионах, можно утверждать, что единой модели преобразований не существует. И здесь уместно говорить о плюральной модернизации в России. Этот тезис имеет своим основанием концепцию множественных современностей, разработанную Ш. Эйзенштадтом и др. [17].

Сегодня и политики, и собственники начинают все в большей степени осознавать значение социальных ресурсов в

развитии. Особенно значимо это для регионального сообщества. Причем каждый регион имеет свою специфику в зависимости от накопленного капитала, материального, человеческого и социального. При этом важно для управленческой элиты так выстраивать региональную политику, так определять стратегию развития, чтобы она отвечала целям и задачам не только бюрократических и олигархических групп, но и большей части населения. В этом случае появится возможность решать сложные социальные задачи.

Практического решения требуют вопросы о взаимодействии между собой социально-профессиональных групп и территориальных сообществ, о понижении транзакционных издержек в частном бизнесе, о путях самоорганизации для реализации или защиты групповых интересов, о повышении эффективности функционирования власти. На многие из возникающих проблем можно найти решения, опираясь на концепцию социального капитала.

Исследования показывают, что социальный капитал – это тот ресурс развития, который влияет на экономический рост, на общественное благосостояние, на эффективность реализации социальных программ и на многое другое. От него зависит качество общественных и государственных услуг, а также качество государственного управления. Социальный капитал – это кадрово-профессиональные и духовно-ценностные приобретения нации, наличие творческого и предпринимательского потенциала, культурный уровень населения в целом.

Социальный капитал как концепция. Исследования социального капитала носят междисциплинарный характер и осуществляются как в рамках экономической теории, так и социологии, политологии, социальной психологии, культурологии. Сегодня это динамично развивающееся направление. Концепция имеет достаточ-

но глубокие интеллектуальные корни в трудах исследователей еще XIX столетия. И наиболее близки этой концепции идеи Э. Дюркгейма, К. Маркса, А. Токвиля. Многие базовые положения теории капитала К. Маркса нашли свое продолжение в этой концепции. Прежде всего, это понимание самой сути капитала как общественного отношения [6, с. 157, 623]. Капитал у Маркса предстает как самовозрастающая стоимость благодаря использованию капиталистом живого труда. Но наемный работник не может увеличить стоимость своего труда, не может обладать капиталом, который тесно связывается с инвестициями ресурсов и может принадлежать только буржуазии.

Расширение содержания данного понятия связано с возникновением неоклассической теории капитала. Элементами капитала стали некоторые личные атрибуты рабочего, такие как здоровье, физическое состояние, знания, профессиональный опыт. Обладание ими дает возможность рабочему извлекать для себя определенную выгоду. Позднее эту совокупность стали трактовать как человеческий капитал [14].

Еще более широкое толкование термина «капитал» дал П. Бурдьё [15]. Ученый считает, что капитал представляет собой накопленный труд, дающий возможность присваивать общественную энергию. Выделив три основные формы капитала – экономический, культурный и социальный – он стал широко использовать сам термин. Специфика форм капитала заключается в том, что экономическая форма носит обезличенный характер, когда две другие формы воплощены в человеческую личность. Формы капитала создают основу для формирования определенного типа общественных отношений. Именно социальный капитал, включающий в себя общественные связи, взаимный обмен и взаимную помощь,

дает человеку определенное социальное положение в общественной структуре. Получаемый статус может быть признанным как формально, так и неформально. Статус определяет доступ к ресурсам, к их использованию и распоряжению. Наиболее четко социальный капитал просматривается через членство в каких-либо группах. Фактически это не что иное, как социальная практика. П. Бурдьё считает, что капитал – это динамический ресурс, способный менять форму, переходя из одной в другую [1].

Идея, согласно которой социальный капитал возникает и реализуется в структуре отношений между людьми и среди людей и в основе этих отношений лежит такой ресурс, как доверие, была сформулирована Дж. Коулменом в его фундаментальной работе «Основы социальной теории» [20]. В ней он определил данный феномен как потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, который осознанно формируется в межличностном пространстве. Доверие у Коулмена – необходимый элемент любого сотрудничества. В этом ученый видит отличия социального и других видов капитала. В том, что Дж. Коулмен привнес в теорию социального капитала идею доверия, прослеживается некоторая связь с идеей солидарности Э. Дюркгейма [2].

В ходе развития концепции перед исследователями встал вопрос о влиянии социального капитала на политическую жизнь общества. В этой сфере наиболее заметны объединения граждан, нацеленные на достижение каких-либо общих интересов. Истоки анализа политической составляющей в социальном капитале можно обнаружить в творчестве А. де Токвиля. Ему удалось однозначно доказать, что тяготение американцев к объединению для удовлетворения общих потребностей и общих интересов – важное условие становления демократии [11]. Исследование

связи ассоциативной жизни и демократии в русле традиции А. де Токвиля продолжил Р. Патнем, один из влиятельных исследователей социального капитала. По его мнению, социальный капитал, и прежде всего участие в жизни ассоциаций способствует включенности в политическую жизнь и эффективному управлению. Все это имеет своим последствием укрепление коллективных норм и доверия [24]. Р. Патнем определял социальный капитал как «связи между индивидами, социальными сетями и нормами взаимности и доверия, которые вытекают из них» [25, с. 544], уделив значительное внимание социальным сетям.

Неоднозначно исследователи социального капитала решают вопрос о его структуре. Так, Г.С. Бейкер [14] выделяет в нем включенность, сети. Р. Патнем [25], кроме вышеназванного, выделяет доверие, членство в общественных организациях, дополняя все это ценностями и нормами. Дж. Коулмен [16] отмечает доверие, нормы, социальный обмен. Что касается отечественных исследователей, то с их стороны есть попытки дополнить и включить в состав социального капитала гражданскую идентичность и этническую толерантность [10]. Другие отечественные исследователи социального капитала в качестве структурных компонентов выделяют социальное согласие, солидарность, готовность к совместным действиям, доверие к окружающим. На наш взгляд, ряд из названных позиций представляют собой расширительное толкование уже имеющихся. Так, например, доверие к окружающим создает условия для готовности к совместным действиям, и это скорее индикатор измерения доверия, а не структурный элемент социального капитала. Социальное согласие и солидарность – близкие смысловые понятия [12], означающие некую общность позиций субъектов, обеспечи-

вающую склонность к взаимодействию. Можно согласиться и с точкой зрения В.Г. Рожкова на то, что выделять «нормы и убеждения как отдельные элементы социального капитала нецелесообразно, не обоснованные убеждениями нормы не будут признаны всеми членами социальной сети» [9]. Что касается этнической толерантности, то данный фактор несет в себе сильное психологическое напряжение и скорее готов породить неуверенность в предсказуемости действий представителя другого этноса. Иными словами, этот фактор содержит в себе антагонистические сущностные характеристики и вряд ли может однозначно рассматриваться как элемент социального капитала социума. Все это только доказывает сложность вопроса о структуре социального капитала и его недостаточную проработанность в науке.

Говоря о сущности социального капитала, отметим следующее. Во-первых, его существенной характеристикой является тот факт, что он воплощается в социальных отношениях субъектов, а не в субъектах или объектах как таковых. Если материальный капитал осязаем в виде различных объектов, если человеческий капитал осязаем в виде способностей индивида, его знаний и навыков, то социальный капитал неосязаем. Этим он отличается и от материального, и от человеческого капитала. Он не может быть собственностью использующего его субъекта. Таким образом, социальный капитал имеет существенно иное происхождение, чем физический и человеческий.

Во-вторых, будучи формой капитала, социальный капитал для поддержки своего существования и сохранения эффективности требует соответствующих вложений или инвестиций. Однако измерить уровень и объемы инвестиционных вложений весьма затруднительно, если не невозможно на сегодняшний день. Тем не

менее очевидно, что для его воспроизводства необходимы определенные условия: поддержка системы образования (в том числе и за государственный счет), создание более широких возможностей для общественных инициатив, для самоорганизации в бизнесе, в повседневной жизни граждан.

В-третьих, являясь, по сути, общественным благом, социальный капитал возрастает в процессе его использования. Он создает прочные отношения, а возникшее в ходе их формирования доверие в свою очередь генерирует взаимность, что ведет к созданию общих ценностей.

В-четвертых, проявляясь в общественных отношениях, социальный капитал отражает структуру связей и может быть полезен при анализе социальной структуры общества. Включенность в определенную сеть отношений на определенном социальном уровне позволяет актору (индивидуальному или коллективному) использовать ресурсы этой сети для достижения своих целей. Прежде всего, это возможность обмена информацией, доступ к информационным ресурсам других членов сети. Также это некий запас социальных контактов, к которым можно обратиться в нужный момент. В этом заключена функциональная характеристика социального капитала.

Тем не менее, несмотря на существенные отличия, и материальный, и человеческий, и социальный капиталы делают человеческую деятельность более эффективной и более продуктивной. Взаимодействие этих форм можно наблюдать как на уровне общества, в организациях, так и на уровне семьи индивида. Что же касается формирования социального капитала, то здесь мы согласны с Р.Д. Патнэмом, утверждавшим, что этот процесс начинается от индивида (микроуровень) и поднимается вверх до государства (макроуровень), а не наоборот [24]. Однако

только обществу, в котором имеется социальный капитал организации (мезоуровень), по силам вырастить склонных к сотрудничеству индивидов. И только деятельность таких индивидов будет гарантировать развитие экономики и сильное государство. Таким образом, в его структуре мы видим макро-, мезо- и микроуровни. Кроме того, влияние факторов микро-, мезо- и макроуровней в формировании и поддержке социального капитала является взаимным и постоянным. И здесь важно увидеть макро-микро связи, микро-микро связи, и микро-макро связи, которые пересекаются и укрупняются на мезоуровне.

Формулируя методологию исследования социального капитала согласно различным его концепциям и широте его понимания, следует принять во внимание, что они не являются альтернативными. Они только определяют различные взгляды на социальный капитал.

Концепция социального капитала тесным образом сопряжена с концепцией доверия. Доверие представляет собой отдельное понятие и может быть как источником социального капитала, так и его результатом. Последнее мнение основывается на идее, что доверие и социальный капитал укрепляют друг друга. Эту точку зрения доказывает Ф. Фукуяма [18; 75]. Значение доверия в том, что его результаты несиюминутны. Они приносят пользу в будущем. Доверие обладает способностью обеспечить предсказуемый характер окружающего нас мира. Оно укрепляет когнитивные стереотипы и установки, обеспечивая и поддерживая тем самым межгрупповое взаимопонимание, толерантность, сотрудничество.

Подводя некоторые итоги, отметим, что существующие дискурсы исходят из интерпретации социального доверия как многоуровневой и изменчивой системы, как важнейшего фактора стабильности

и предсказуемости социальной жизни. Данные методологические предпосылки дают возможность утверждать, что социокультурные механизмы доверия/недоверия в обществе позволяют построить человеческую деятельность наиболее рациональным образом, избежать излишних рисков, сформировать нравственное ядро, обеспечивающее основу коллективных действий и взаимодействий.

Таким образом, исследование социального капитала должно носить междисциплинарный и междисциплинарный характер, а накопленный в современной научной литературе теоретический и эмпирический материал свидетельствует о полезности социального капитала в таких областях общественной жизни, как экономическое развитие, политическое управление, демократия, образование, школа, здравоохранение, управление природными ресурсами и даже катастрофами. Однако далеко не все аспекты концепции достаточно проработаны. То же касается и системы эмпирических показателей.

Измерение социального капитала: подходы и методы. Сложность в трактовке социального капитала, отражающая его многоаспектную сущность, порождает методологические трудности в вопросе его измерения и оценки. Проблема состоит в том, что на данный момент отсутствуют устоявшиеся методики, наблюдается несовершенство методологии и страдает качество данных. Имеющийся опыт изучения социального капитала показывает, что различные его виды требуют своих операциональных параметров. Измерение социального капитала может происходить в зависимости от избранного исследовательского подхода и понимания его структуры. Обычно изучение идет на микро- и макроуровне экономической системы с применением количественных и качественных методов измерения.

Рассмотрим подробнее каждую из составных частей методики измерения социального капитала.

Основное внимание исследователей, осуществляющих разработку методики измерения социального капитала на микроуровне общества, может быть сосредоточено на: выявлении взаимосвязи между уровнем социального капитала и уровнем однородности членов микрогруппы по доходу; на исследовании степени вовлеченности отдельных людей в механизм принятия решений, затрагивающих интересы всех членов микрогруппы; на определении возможности объединения членов микрогруппы для осуществления коллективных действий; на расчете уровня и радиуса доверия внутри группы или сообщества.

Измерение социального капитала на макроуровне связано с поиском закономерностей между объемом накопленного социального капитала и темпами экономического роста. Среди исследований, посвященных данному вопросу, можно выделить Дж. Хиливелла и Р. Патнема [19] изучавших взаимосвязь социального капитала и экономического роста в Италии. Используя индексы, учитывающие включенность граждан в ассоциации, степень удовлетворенности населения правительством, они установили, что высокий уровень социального капитала оказывает положительное влияние на темпы экономического роста. К аналогичным выводам в своих исследованиях пришел и итальянский исследователь Р. Лапорта [20], который предложил измерять уровень социального капитала при помощи индексов, учитывающих уровень коррупции, участие населения в политических партиях и ассоциациях, качество инфраструктуры.

Выделение уровней наиболее актуально при исследовании социального капитала, потому что для каждого уров-

ня характерны своеобразные способы его формирования. При взгляде «сверху вниз» способы, которыми общество удовлетворяет фундаментальные потребности сохранения в определенной среде (макро институционный уровень), обуславливают индивидуальные и системные средства для межличностной коммуникации. При взгляде «снизу вверх» социальный капитал индивидов и системных субъектов поддерживается благодаря личной коммуникации, а макро институциональный социальный капитал формируется на основе социального капитала индивидов и системных субъектов.

Преимущество методологии исследования социального капитала, основанной на анализе социального капитала всех его уровней, в том, что она позволяет оценить заменимость социального капитала этих уровней и синергетический эффект. В связи с тем, что в реальной жизни уровни исследования разделить сложно, анализ социального капитала неизбежно переплетается на всех трех уровнях. Социальный капитал – то звено, которое объединяет все три уровня анализа. Основной недостаток многоуровневого исследования социального капитала – большой объем такого исследования, по этой причине сложно делать конкретные выводы о влиянии социальных структур, норм.

Еще одно направление в измерении социального капитала – это измерение его компонентов. По мнению специалистов Всемирного банка, при измерении социального капитала могут использоваться качественные и количественные показатели, характеризующие такие компоненты социального капитала, как группа и сеть, доверие, участие в коллективных действиях, социальная включенность, информация и коммуникации [22]. Например, показателями, характеризующими группу или сеть, могут выступать плотность членства, демократичность

управления внутри, характер контакта с другими группами. В свою очередь, доверие может характеризоваться индикаторами доверия к знакомым и незнакомым людям, государственным институтам. Показатели информации и коммуникации характеризуют, насколько члены общины имеют возможность общаться друг с другом и внешним миром посредством почты, телефона, газет, радио и Интернета.

Еще один принцип формирования методологии исследования социального капитала может основываться на анализе его видов (или форм). Ученые выделяют также три формы социального капитала: структурный, когнитивный и взаимосвязывающий [22]. К структурной форме они причисляют социальные сети, их форму и соответствующие организации. Когнитивная охватывает общие коды, язык и способы повествования. Взаимосвязывающая форма связана с доверием, нормами, обязательствами и идентификацией. К взаимосвязывающему социальному капиталу Дж. Нахпет и С. Гошал относят вербальное проявление элементов социального капитала, не имеющих материального выражения [22]. Если не анализировать отдельно формы социального капитала, теряется часть ценности этой концепции и возможность осознать процессы ее формирования и использования.

Российские исследователи Л.И. Полищук и Р. Меняшев при анализе социального капитала выделили два его типа – открытый и закрытый – и увидели положительную связь между результативностью деятельности городских администраций и состоянием дел в городах с открытым социальным капиталом и гражданской культурой и отрицательную – с закрытым гражданским капиталом [23]. В рамках исследования ученые назвали города с высоким уровнем социального капитала открытого типа. Среди них оказался и

крупный промышленный центр Вологодской области – г. Череповец [7]. Главным, на наш взгляд, следует считать их вывод относительно того, что «...социальный капитал – это исключительно «местный» продукт» [8].

Некоторое представление о возможных индикаторах измерения социального капитала дает *таблица 1*.

Таким образом, можно отметить, что, несмотря на всю сложность категории социального капитала, в научной среде накапливается опыт измерения данного феномена. Однако следует учитывать особенности того объекта изучения, чей социальный капитал подлежит измерению и оценке.

При выработке методологии исследования социального капитала организации актуально учитывать сферы охвата и особенности различных концепций социального капитала.

Социальный капитал в Вологодской области: анализ эмпирических данных. Оценку некоторых характеристик социального капитала, имеющегося в Вологодской области, можно давать на основе

анализа результатов проводимых ИСЭРТ РАН социологических исследований. В качестве индикаторов измерения мы можем использовать две группы показателей. Первая группа включает в себя измерение институционального доверия, участие в коллективных действиях, солидарность, включенность в социальные сети, ответственность за положение дел, готовность к объединению. Это те характеристики, которые позволяют оценить способность регионального сообщества к образованию широких коалиций. Вторая группа индикаторов оценивает закрытые общественные связи. Сюда относятся доверие к близким людям, ограниченный семьей и ближней средой обитания (домом) круг ответственности.

Доверие оценивается на основании ответов респондентов на вопрос «Определите, пожалуйста, свое отношение к действующим в стране институтам власти и общественным структурам» (*табл. 2*). В этом случае замеряется институциональное доверие. Опросы позволяют выявить общественное мнение как относительно «горизонтального» доверия,

Таблица 1. Индикаторы измерения социального капитала

1. Доверие к институтам власти и общественным структурам	Согласие и сплоченность	Готовность к объединению с другими	Степень участия в общественной и политической жизни; Протестные настроения; Ответственность за состояние дел	Влияние на состояние дел на различных уровнях
<u>Измерение</u> – Интегральный индекс доверия институтам власти и общественным структурам 2. Межличностное доверие <u>Измерение</u> – Распределение ответов на вопрос «Кому Вы можете доверять?», анализ численности групп населения по уровню межличностного доверия – Индекс межличностного доверия (радиус доверия)	<u>Измерение</u> – Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, чего сегодня больше: согласия, сплоченности или несогласия, разобщенности? анализ динамики количества респондентов с положительными и отрицательными ответами (в % от числа опрошенных). – Индекс сплоченности и согласия.	<u>Измерение</u> – Индекс готовности к объединению	– Индекс степени участия в общественной и политической жизни – Индекс осведомленности о работе НКО (в пунктах) – Индекс участия в работе НКО – Индекс влияния НКО – Индекс протестного потенциала	<u>Измерение</u> – Распределение ответов на вопрос «Как вы считаете, можете ли Вы лично сегодня повлиять на состояние дел?», анализ динамики количества респондентов с положительными ответами (в % от числа опрошенных) – Возможна корреляция по возрасту и профессиональной принадлежности!

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Определите, пожалуйста, свое отношение к действующим в стране институтам власти и общественным структурам» (варианты ответов «полностью доверяю» и «в основном доверяю»), % от общего числа опрошенных

Вариант ответа	Дата опроса							
	2000 – 2006 гг. (среднее)	2007 год	2008 год	2009 год	2010 год	2013 год	2014 год	Среднее значение
Высокий уровень								
Президент	51,1	60,3	65,2	51,6	56,7	44,6	57,0	55,2
Правительство	38,9	41,9	60,2	46,7	52,3	38,6	48,3	46,7
Церковь	43,3	44,8	51,9	44,9	47,0	43,9	44,7	45,8
Средний уровень								
Руководство области	30,8	40,6	48,6	34,9	41,1	36,4	37,4	38,5
Совет Федерации	29,1	34,9	47,6	35,9	38,3	32,7	40,2	36,9
ФСБ	32,7	34,2	43,8	34,3	36,0	37,5	36,4	36,4
Суд	32,4	32,1	41,3	35,1	37,4	39,3	36,9	36,4
Прокуратура	30,3	31,1	40,9	34,8	36,1	40,1	38,5	35,9
Армия	31,1	28,7	37,8	33,5	34,5	37,5	37,8	34,4
Органы МСУ	26,6	32,3	40,9	33,1	34,3	31,6	35,1	33,4
Государственная Дума	24,5	29,5	42,0	33,5	34,8	31,1	35,2	32,9
Полиция	26,2	28,3	36,5	33,1	32,7	33,7	35,4	32,2
Низкий уровень								
Общественная палата РФ	-	-	-	-	27,3	29,9	32,8	30
СМИ	29,2	31,0	27,5	35,2	28,7	29,5	28,0	29,8
Профсоюзы	26,5	28,6	35,9	28,1	30,2	25,3	26,6	28,7
Общественная палата области	-	-	-	-	24,8	29,2	29,4	27,8
Общественные организации	20,0	24,4	32,6	23,8	27,7	24,1	25,5	25,4
Директора, руководители предприятий	21,7	23,6	30,5	22,5	22,8	27,5	21,9	24,4
Банковские, предпринимательские круги	16,6	21,3	26,6	20,3	21,5	23,4	18,8	21,21
Политические партии	14,7	17,6	26,8	20,0	23,7	18,1	20,2	20,2

Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области; ИСЭРТ 2010 – 2013 гг.

так и относительно «вертикального» или «политического доверия», под которым подразумевается доверие институтам государства. К числу институтов, составляющих «вертикаль доверия», относятся такие, как Президент, Правительство, Совет федерации, Госдума, Законодательное собрание области, Губернатор, Глава местной администрации, суд, прокуратура, силовые структуры (армия, ФСБ, полиция). Эти структуры обеспечивают единство страны, эффективность управления социумом, инвестиционный климат, безопасность. Горизонтальное расположение в обществе занимают церковь, общественные организации, СМИ, профсоюзы, политические партии и движения, бизнес-среда. При этом во внимание не берется их внутренняя вертикальная структура и централи-

зованный характер управления, так как это не сказывается на их позиции в общественной структуре.

Как видим, в регионе преобладает «вертикальное доверие». Это свидетельствует, с одной стороны, о силе властных структур, прочности их позиции. С другой, в данном показателе находит свое отражение и ценностная система населения, носящая патерналистский характер. Поддержка населением властных и силовых структур, причем именно вертикально ориентированных, может служить и отражением авторитарного типа политической системы российского общества. Проблема ориентации населения не на демократические по своей сути институты и низкое доверие к институтам демократическим (парламент, общественные организации, СМИ) свой-

ственно не только такому региону, как Вологодская область. Это свойственно всей стране. Еще одна проблема, которая порождена низким политическим доверием, – это его тенденция к падению. Более того, это проблема не только России. Практически во всех странах, имеющих демократическую политическую систему, наблюдается данная ситуация. Следствием этого является низкая активность населения, рост протестных настроений. А в ряде случаев имеют место и активные выступления. Но отметим, что недостаток доверия отнюдь не означает автоматического повышения уровня недоверия.

Уровень солидарности, сплоченности среди населения оценивается на основании ответов на вопрос «Как Вы считаете, чего сегодня больше: согласия, сплоченности или несогласия, разобщенности?» (табл. 3).

Уровень сплоченности, по оценкам населения, значительно выше среди ближнего окружения. Как положительную можно отметить тенденцию к росту сплоченности как в масштабах страны и региона, так соответственно и в ближнем окружении

респондентов. Имеющиеся данные вполне коррелируются и с оценками роста степени ответственности (табл. 4).

Полученные данные свидетельствуют о некотором росте чувства ответственности у вологжан относительно положения дел в городе, в области и в стране. Тем не менее, высокие оценки преобладают применительно к семье, к коллегам по работе, и резкий спад по отношению к городу, области, стране. Вполне очевидно, что ориентация на семью, на коллег по работе явно говорит о нешироком радиусе доверия, об ориентации на близкий круг людей.

Отметим, что данные, приведенные в таблицах 3 и 4, позволяют сформировать суждение исследователей относительно типа социального капитала. Ориентация на ближнее окружение, более высокий уровень доверия в этом окружении говорят о преобладании социального капитала закрытого типа или о преобладании так называемых групп «Олсона». Эти группы получают распространение в периоды кризисных ситуаций. Но они могут играть двоякую роль. С одной стороны, они могут

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, чего сегодня больше: согласия, сплоченности или несогласия, разобщенности?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Больше согласия, сплоченности			Больше несогласия, разобщенности		
	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.
В нашей стране	14,2	14,1	28,9	61,1	59,5	44,1
В нашей области	19,3	15,9	26,9	55,6	54,4	44,7
В месте Вашего проживания	24,1	28,4	39,1	51,5	44,3	34,3
В Вашем окружении	46,9	52,1	61,4	29,3	23,2	18,3

Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области; ИСЭРТ 2010 – 2014 гг.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Чувствуете ли Вы себя ответственным за состояние дел?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Чувствую ответственность за состояние дел			Не чувствую ответственность за состояние дел		
	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.
В вашей семье	77,9	80,4	82,0	13,3	10,5	10,5
У вас на работе	52,7	49,1	48,3	27,8	29,5	31,8
В Вашем доме, дворе, где Вы живете	38,0	37,2	38,2	40,7	38,1	43,4
В Вашем городе, районе	15,6	10,9	14,8	57,1	57,6	60,5
В нашей области	9,2	5,8	8,2	63,5	61,4	66,0
В стране в целом	9,8	4,9	7,8	62,9	60,9	66,2

Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области; ИСЭРТ 2010 – 2014 гг.

помогать своим членам в трудных ситуациях, оказать им поддержку. С другой стороны, ограничивая взаимодействие с другими группами, они могут способствовать формированию конфликтных отношений и социальной напряженности.

Результаты опросов позволяют отметить тенденцию роста готовности к объединению граждан для каких-либо совместных действий. Безусловно, в ответах присутствует только намерение к объединению, но не сам факт такого объединения. Более объективная оценка изменений данного показателя возможна на основе расчета индекса готовности к объединению, который так же показывает определенный рост (табл. 5).

Рост готовности жителей области к объединению может быть результатом воздействия самых разных факторов как эндогенного, так и экзогенного характера. Выявление этих факторов возможно при проведении дополнительного социологического исследования. Пока же можно только предположить влияние

экономического кризиса, сложной международной обстановки, осознания необходимости сплочения перед вызовами глобализирующегося мира и ряд других.

О том, как реализуется готовность к объединению, нам говорят данные о степени участия в общественной и политической жизни. Об участии в коллективных действиях дают представления ответы респондентов на вопрос «Как бы Вы оценили степень Вашего участия в общественной и политической жизни?» (табл. 6).

Несмотря на демонстрацию на вербальном уровне стремления к единению, на уровне практических действий мы не наблюдаем серьезных изменений. Около 60% респондентов, жителей крупных городов области, стабильно заявляют о своей пассивной позиции. Единственное изменение, которое можно наблюдать на основе полученных данных, – это увеличение доли тех, кто затрудняется ответить и соответствующее снижение доли принимающих активное участие в общественной и политической жизни. Волог-

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Готовы ли Вы объединиться с другими людьми для каких-либо совместных действий для защиты общих интересов?»*, % от числа опрошенных

Вариант ответа	2011 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+ / -) 2014 г.	
				к 2013 г.	к 2011 г.
Готов и скорее готов	47,1	43,0	54,6	+12	+8
Не готов и скорее не готов	25,2	19,9	15,1	-5	-10
Индекс готовности к объединению	121,9	123,1	139,5	+16	+18
Затрудняюсь ответить	27,7	37,1	30,3	-7	+3

*Вопрос задается с 2011 года. В 2012 году вопрос не задавался.
Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области; ИСЭРТ 2010 – 2014 гг.

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили степень Вашего участия в общественной и политической жизни?», % от числа опрошенных

Вариант ответа		Вологда	Череповец	Районы	Область
Активное и скорее активное	апр.14	14,5	17,5	28,3	21,9
	фев.13	18,2	19,3	27,2	23,0
	дек.11	26,4	33,4	24,3	27,1
Пассивное и скорее пассивное	апр.14	65,7	65,1	41,9	54,1
	фев.13	62,5	58,1	39,4	49,8
	дек.11	53,7	61,9	38,9	48,3
Затрудняюсь ответить	апр.14	19,7	17,5	29,7	23,9
	фев.13	19,3	22,7	33,3	27,2
	дек.11	19,8	4,7	36,8	24,6

Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области; ИСЭРТ РАН 2008 – 2014 гг.

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «Принимаете ли Вы участие в деятельности НКО или являетесь членом какой-либо из них?», % от числа опрошенных

Показатель	2008 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+ / -) 2014 г. к			
						2013 г.	2011 г.	2009 г.	2008 г.
Являюсь членом организации	4,9	7,0	5,4	4,5	4,9	0	0	-2	0
Принимаю участие как доброволец, волонтер	6,4	9,9	10,4	6,2	6,4	0	-4	-4	0
Не участвую и не состою	85,3	81,0	82,9	88,2	87,0	-1	+4	+6	+2
Индекс участия в работе НКО	26,0	35,9	32,9	22,5	24,3	+1	-9	-12	-2

Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области; ИСЭРТ РАН 2008 – 2014 гг.

жане, жители сельской местности, демонстрируют относительно стабильный уровень активности. К сожалению наблюдаемый низкий уровень включенности в деятельность каких-либо организаций не позволяет реально осуществлять гражданам действия в защиту своих интересов. Если давать оценку в терминах Полищука, то данный показатель может служить также индикатором относительно низкого уровня открытого капитала в регионе.

Включенность в сети можно оценить и по информации об участии в деятельности общественных организаций и НКО (табл. 7).

Незначительна доля тех, кто оценивает влияние НКО как значимое. В полученных данных присутствует информация о некотором росте этого влияния. Но он явно невелик. Но и быстрых масштабных перемен в этой сфере ожидать нельзя. Включенность в работу общественных организаций, рост их влияния – процесс постепенный и связан с решением каких-то значимых для населения вопросов, приобретения ими определенного авто-

ритета. На это порой требуются десятилетия. Срок же существования многих организаций исчисляется годами. Тем не менее, обращает на себя внимание факт роста индекса влияния НКО за период с 2009 по 2014 год. Здесь показатель роста на 5 пунктов уже можно рассматривать как значимое изменение.

Подводя некоторые итоги, отметим следующее. Можно со значительной долей определенности говорить о наличии в регионе социального капитала. Значимым фактором оценки социального капитала выступает доверие. Однако в целом можно предположить, что в регионе преобладает закрытый социальный капитал, ориентирующий его носителей на выживание в условиях кризиса. Присутствует в области и открытый тип социального капитала. Но предстоит еще выявить возможности каждого типа для преодоления последствий кризиса, найти механизмы поддержки социального капитала и нацелить его использование на повышение конкурентоспособности региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдые, П. Практический смысл [Текст] / пер. с фр. : А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко ; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 2001. – 562 с.
2. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда [Текст] / Э. Дюркгейм. – М. : Канон, 1996. – 494 с.
3. Ильин, В. А. Проблемы модернизации российских регионов [Текст] / В. А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 4 (28). – С. 9–20.
4. Лапин, Н. И. Социокультурные факторы Российской стагнации и модернизации [Текст] / Н. И. Лапин // Социс. – 2011. – № 9. – С. 3–17.
5. Ласточкина, М. А. Социальные аспекты модернизации регионов России [Текст] / М. А. Ласточкина, А. А. Шабунова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 6 (36). – С. 110–120.
6. Маркс, К. Собр. соч. [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 23.

7. Полищук, Л. И. То, что нельзя купить [Электронный ресурс] / Л. Полищук // Бизнес-журнал. – 2011. – № 4. – Режим доступа : <http://offline.business-magazine.ru/2011/181/337142>
8. Полищук, Л. И. Социальный капитал в России: измерения, анализ, оценка влияния [Электронный ресурс] / Л. И. Полищук. – Режим доступа : <http://www.liberal.ru/articles/5265>
9. Рожков, В. Г. Инновационный генезис экономики в России [Электронный ресурс] / В. Г. Рожков. – М. : МИКС Пресс, 2009. – Режим доступа : refdb.ru/look/3954293.html
10. Татарко, А. Н. Культурно-психологические особенности социального капитала этнических групп России [Текст] / А. Н. Татарко // Психологический журнал. – 2009. – № 2. – С. 67–80.
11. Токвиль, А. Демократия в Америке [Текст] / пер. с франц. ; предисл. Г. Д. Ласки. – М. : Прогресс, 1992. – 554 с.
12. Толковый словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://tolkslovar.ru/s9236.html>
13. Ускова, Т. В. Оценка реализации стратегии развития региона [Текст] / Т. В. Ускова, Р. Ю. Селименков, В. Я. Асанович // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 1 (37). – С. 30–42.
14. Becker, G. S. Human Capital [Text] / G. S. Becker // A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. – Second edition. – N.Y. : Columbia University Press, 1975.
15. Bourdieu, P. The Forms of Capital [Text] / P. Bourdieu ; J. G. Richardson (ed.) // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. – N.Y. : Greenwood Press, 1986. – P. 241–58.
16. Coleman, J. Foundations of Social Theory [Text] / J. Coleman. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1994.
17. Eisenstadt, S. N. Multiple modernities [Text] / S. N. Eisenstadt // Daedalus. – 2000. – № 129 (1).
18. Fukuyama, F. Associations: Fostering Fukuyama's Social Capital [Text] / F. Fukuyama // Association Management. – Jun. 2002. – Vol. 54. – Iss. 6.
19. Helliwell, J. F. Economic Growth and Social Capital in Italy [Text] / J. F. Helliwell, R. Putnam // Eastern Economic Journal. – 1995. – № 21. – P. 295–307.
20. La Porta, R. Trust in large organizations [Text] / R. La Porta, F. Lopez-De-Silanes, A. Shleifer, R. W. Vishny // American Economic Review Papers and Proceedings. – 1997. – № 87 (2). – P. 333–338.
21. Nahapiet, J. Social Capital, Intellectual Capital, and the Organizational Advantage [Text] / J. Nahapiet, S. Ghoshal // Academy of Management Review. – 1998. – Vol. 23. – P. 242–266.
22. Penning, J. M. Human capital, social capital and firm dissolution [Text] / J. M. Penning, K. Lee, A. van Witteloostuijn // Academy of Management Journal. – 1998. – Vol. 41. – P. 425–440.
23. Polishchuk, L. Does Social Capital Have Economic Payoff in Russia? : Working paper WP10/2011/01 [Text] / L. Polishchuk, R. Menyashev ; Higher School of Economics. – М. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2011. – 44 p.
24. Putnam, R. D. Bowling Alone : The Collapse and Revival of American Community [Text] / R. D. Putnam. – N.Y. : Touchstone Books by Simon & Schuster, 2001.
25. Putnam, R. D. Making Democracy Work: Civic traditions in modern Italy [Text] / R. D. Putnam. – Princeton, Nj : Princeton University Press, 1993.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гужавина Татьяна Анатольевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук. Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: tanja_gta@mail.ru. Тел.: (8202) 55-79-23.

REGIONAL SOCIAL CAPITAL AS A MODERNIZATION FACTOR

National and regional development through modernization and competitiveness is very important. The concept of social capital is a very suitable theory for substantiating the approaches to finding solutions to the problems that any country is facing. This concept helps identify available resources for development and evaluate non-economic development factors. Modern science has shown that social capital is a resource influencing economic growth and the creation of public goods. However, despite its popularity, the concept of social capital has not yet been firmly established. In addition, stable indicators for its measurement have not been formed yet. Domestic science is characterized by insufficient attention to the study of social capital nationwide and in the regions. The study of the concept of "social capital" is important for understanding the processes going on in the society. The article analyzes individual indicators that measure social capital in the context of the concept of social capital; it is noted that the trust index is the most stable among them; it characterizes one of the structural components of social capital. The empirical base of the study includes the public opinion monitoring conducted by the Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS in the Vologda Oblast and containing the data on the measurement of some of the indicators. Based on the analysis of existing sociological and statistical data, it is possible to determine the predominant type of social capital in the region. The data obtained can be used for further analysis of the possibilities of using social capital of the regional community to restore its competitiveness in overcoming the crisis.

Non-economic development factors, social capital, essence of social capital, types of social capital, indicators for measuring social capital.

REFERENCES

1. Bourdieu P. *Prakticheskii smysl* [Practical reason]. Translated from French by A. T. Bikbov, K. D. Voznesenskaya, S. N. Zenkin, N. A. Shmatko. Saint Petersburg: Aleteiya, 2001. 562 p.
2. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The division of labor in society]. Moscow: Kanon, 1996. 494 p.
3. Ilyin V. A. Problemy modernizatsii rossiiskikh regionov [Modernisation issues of Russia's regions]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2013, no. 4 (28), pp. 9–20.
4. Lapin N. I. Sotsiokul'turnye faktory Rossiiskoi stagnatsii i modernizatsii [Socio-cultural factors of Russian stagnation and modernization]. *Sotsis* [Sociological studies], 2011, no. 9, pp. 3–17.
5. Lastochkina M. A., Shabunova A. A. Sotsial'nye aspekty modernizatsii regionov Rossii [Social aspects of modernization in Russia's regions]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2014, no. 6 (36), pp. 110–120.
6. Marx K., Engels F. *Sobr. soch.* [Collected works]. Vol. 23.
7. Polishchuk L. I. To, chto nel'zya kupit' [Something that cannot be bought]. *Biznes-zhurnal* [Business journal], 2011, no. 4. Available at: <http://offline.business-magazine.ru/2011/181/337142>
8. Polishchuk L. I. *Sotsial'nyi kapital v Rossii: izmereniya, analiz, otsenka vliyaniya* [Social capital in Russia: measurement, analysis, impact evaluation]. Available at: <http://www.liberal.ru/articles/5265>
9. Rozhkov V. G. *Innovatsionnyi genezis ekonomiki v Rossii* [Innovation genesis of economy in Russia]. Moscow: MIKS Press, 2009. Available at: refdb.ru/look/3954293.html
10. Tatarko A. N. Kul'turno-psikhologicheskie osobennosti sotsial'nogo kapitala etnicheskikh grupp Rossii [Cultural and psychological features of social capital of ethnic groups in Russia]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2009, no. 2, pp. 67–80.
11. Tocqueville A. *Demokratiya v Amerike* [De la démocratie en Amérique]. Translated from French. Moscow: Progress, 1992. 554 p.
12. *Tolkovyi slovar'* [Explanatory dictionary]. Available at: <http://tolkslovar.ru/s9236.html>

13. Uskova T. V., Selimenkov R. Yu., Asanovich V. Ya. Otsenka realizatsii strategii razvitiya regiona [Assessment of the regional development strategy implementation]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2015, no. 1 (37), pp. 30–42.
14. Becker G. S. Human capital. *A theoretical and empirical analysis, with special reference to education*. Second edition. New York: Columbia University Press, 1975.
15. Bourdieu P. The forms of capital. *Handbook of theory and research for the sociology of education*. New York: Greenwood Press, 1986. Pp. 241–58.
16. Coleman J. *Foundations of social theory*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.
17. Eisenstadt S. N. Multiple modernities. *Daedalus*, 2000, no. 129 (1).
18. Fukuyama F. Associations: Fostering Fukuyama's social capital. *Association management*, 2002, June, vol. 54, no. 6.
19. Helliwell J. F., Putnam R. Economic growth and social capital in Italy. *Eastern Economic Journal*, 1995, no. 21, pp. 295–307.
20. La Porta R., Lopez-De-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. W. Trust in large organizations. *American economic review papers and proceedings*, 1997, no. 87 (2), pp. 333–338.
21. Nahapiet J., Ghoshal S. Social capital, intellectual capital, and the organizational advantage. *Academy of management review*, 1998, vol. 23, pp. 242–266.
22. Penning J. M., Lee K., van Witteloostuijn A. Human capital, social capital and firm dissolution. *Academy of management journal*, 1998, vol. 41, pp. 425–440.
23. Polishchuk L., Menyashev R. *Does social capital have economic payoff in Russia?: working paper WP10/2011/0*. Higher School of Economics. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2011. 44 p.
24. Putnam R. D. *Bowling alone: the collapse and revival of American community*. New York: Touchstone Books by Simon & Schuster, 2001.
25. Putnam R. D. *Making democracy work: civic traditions in modern Italy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guzhavina Tat'yana Anatol'evna – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Leading Research Associate at the Department of Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science. 56A, Gorky Street, 160014, Russia. E-mail: tanja_gta@mail.ru. Phone: +7(8202) 55-79-23.